

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

МАРАКОТОВА

БЕЗДНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д62

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *Т. Осиной*
(«Маракотова бездна»,
«Гениальное изобретение Брауна и Перикорда»),
Н. Дехтеревой («Открытие Рафлза Хоу»)

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Д62 **Дойл, Артур Конан.**
Маракотова бездна : [сборник] / Артур Ко-
нан Дойл ; [перевод с английского Т. Осиной,
Н. Дехтеревой]. — Москва : Издательство АСТ,
2022. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-146683-1

Профессор Маракот и его спутники совершают опасное по-
гружение в одну из глубочайших впадин Атлантики на специаль-
но сконструированном аппарате. Чудесным образом оставшись в
живых после аварии, они оказываются в затерянной Атлантиде и
отправляются изучать ее тайны...

Также в сборник вошли повести «Открытие Рафлза Хоу» и
«Гениальное изобретение Брауна и Перикорда», объединенные те-
мой уникальных научных открытий и нелегких судеб изобретателей.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Перевод. Н. Дехтерева, наследники, 2022
© Перевод. Т. Осина, 2022
ISBN 978-5-17-146683-1 © ООО «Издательство АСТ», 2022

МАРАКОТОВА БЕЗДНА

Глава I

Эта рукопись попала ко мне для редактирования, а потому считаю необходимым напомнить почтенной публике о печальной судьбе парохода «Стратфорд», год назад отправившегося в дальнее путешествие с целью изучения океана и описания глубоководной жизни. Экспедицию организовал профессор Маракот — знаменитый автор научных работ «Псевдокоралловые формации» и «Морфология пластинчатожабренных моллюсков». Спутником доктора Маракота стал мистер Сайрус Хедли, бывший ассистент Зоологического института в Кембридже, штат Массачусетс, а во время путешествия — стипендиат фонда Родса в Оксфордском университете. Управлял «Стратфордом» опытный капитан Хоуи, а среди двадцати трех человек команды не лишним будет упомянуть Уильяма Скэнлэна — американского механика, командированного заводом «Меррибэнкс» в Филадельфии.

Злополучный пароход бесследно исчез, а единственное упоминание о нем поступило с норвежского барка, чья команда осенью 1926 года стала свидетельницей того, как соответствующее описанию судно затонуло во время жестокого шторма. Впоследствии на месте трагедии была найдена дрейфующая шлюпка с надписью «Стратфорд» на борту, а на ней несколько деревянных крышек от люков, кото-

рые матросы нередко используют в качестве средства выживания в воде, а также спасательный круг и рангоут. В сочетании с длительным молчанием парохода свидетельство норвежских моряков рождало уверенность в безвозвратном исчезновении судна вместе со всей командой. Печальная судьба «Стратфорда» стала куда определеннее после получения странной радиограммы. Несмотря на плохое качество связи, сообщение не оставило сомнений в печальном конце научной экспедиции. В дальнейшем я процитирую текст радиограммы.

Некоторые довольно-таки необычные особенности путешествия «Стратфорда» в свое время вызвали многочисленные и противоречивые комментарии. Во-первых, всех равнодушных наблюдателей удивила созданная профессором Маракотом атмосфера чрезвычайной таинственности. Уважаемый ученый всегда отличался глубокой неприязнью и столь же глубоким недоверием к прессе, однако в данном случае он превзошел самого себя, категорически отказываясь давать интервью репортерам и не позволяя ни одному журналисту подняться на корабль во время продолжительной — длительностью в несколько недель — стоянки в ливерпульском Альберт-доке. Ходили смутные слухи о невиданной, абсолютно новой конструкции парохода, а также о его беспрецедентном техническом оснащении, позволявшем вести работу на весьма серьезных морских глубинах. Распространившиеся слухи неоднократно подтверждались достоверной информацией с верфи «Хантер и компания» в западном Хартлпуле, где производились работы по подготовке судна к рейсу. Одно время достойные доверия источники утверждали, что дно корабля наделено доселе невиданной способностью

полностью отделяться от корпуса! Сообщение вызвало острый интерес сотрудников морской страховой компании «Ллойд», которым, хотя и не без труда, удалось-таки получить удовлетворительные сведения. Полог забвения, окутавший все эти факты и домыслы, был потревожен, когда судьба бесследно исчезнувшего судна вновь заинтересовала равнодушную общественность.

Но хватит, пожалуй, рассуждений об организации экспедиции парохода «Стратфорд» и связанных с ней настроениях в обществе. Итак, нам доступны четыре документа, всесторонне освещающие уже известные факты. Первый документ — это подробное письмо, отправленное мистером Сайрусом Хедли из столицы острова Гран-Канария, города Лас-Пальмас, в Тринити-колледж Оксфордского университета. Довольно-таки объемистое послание адресовано другу молодого биолога, сэру Джеймсу Толботу. Насколько нам известно, порт Лас-Пальмас стал единственной точкой на карте, куда пароход «Стратфорд» зашел после того, как покинул устье Темзы. Второй документ — упомянутая выше странная радиограмма. Третий документ — та запись в бортовом журнале судна «Арабелла Ноулз», которая касается найденного на поверхности Атлантического океана неизвестного науке стеклянного шара. Четвертый и последний документ — поразительное содержимое самого стеклянного шара: произведение эпистолярного жанра, либо представляющее собой сложнейшую и самую жестокую мистификацию в современной истории, либо открывающее неизведанную страницу человеческого опыта, значение которой столь огромно, что его невозможно переоценить. После этого небольшого вступления обратимся к прежде не публиковавше-

муся письму мистера Сайруса Хедли, любезно предоставленному мне самим адресатом — сэром Джеймсом Толботом — и датированному первым октября 1926 года:

«Дорогой Толбот, отправляю свое послание из порта Лас-Пальмас, куда мы зашли, чтобы несколько дней отдохнуть. Все это время моим основным товарищем в путешествии остается старший механик парохода “Стратфорд” Билл Скэнлэн — как и я сам, американец, но в отличие от меня крайне занятый человек. Однако сегодняшнее утро я провожу в одиночестве, так как Билл отправился “на свиданье с юбкой” (именно так он выразился). Как видите, Скэнлэн пользуется именно теми словечками, которые каждый истинный англичанин ожидает услышать от каждого истинного американца, и, следовательно, является образцовым представителем нашей с ним общей родины. В присутствии английских друзей сила воображения заставляет меня самого чаще, чем необходимо, использовать такие характерные для американского менталитета элементы усиления смысла, как “без сомнения” и “наверняка”. Считаю, что без них никто бы не поверил, что я — настоящий янки. Однако у нас с вами сложились совершенно другие, куда более глубокие и искренние отношения, а потому позвольте заверить, что вы не найдете в моем послании ничего, кроме чистейшего оксфордского варианта классического английского языка.

Вы встречались с профессором Маракотом в Митре, так что отлично знаете, какой он сухарь. Кажется, я уже рассказывал, как знаменитый ученый настойчиво апеллировал ко мне, убеждая отправиться в путешествие вместе с ним. Маракот обратился к старику Соммервилю из Зоологического института

в Кембридже, и тот прислал ему мою работу о морских крабах — ту самую, которая победила в конкурсе. После этого профессор решительно остановился на моей кандидатуре. Конечно, принять участие в такой знаменательной экспедиции весьма почетно, однако вместо воплощенной профессором Маракотом ожившей мумии в качестве начальника хотелось бы видеть какого-нибудь другого, более *живого* человека. К сожалению, чрезмерная замкнутость и фанатичная преданность своему делу начисто лишают почтенного ученого способности к нормальному общению. “Наичерствейший из всех в мире сухарей” — так отзывается о нем механик Билл Скэнлэн, и все-таки эта безусловная верность призванию не только ставит в тупик и раздражает, но и в немалой степени восхищает меня! Помимо науки для профессора ничего не существует. Помню, как вы смеялись, когда я рассказал, как на мой вопрос, что следует почитать для подготовки к предстоящему путешествию, с целью серьезного ознакомления он порекомендовал собрание собственных научных сочинений, а в качестве отдыха посоветовал просмотреть труд Геккеля под занимательным названием “Изучение планктона”.

Сейчас я знаю господина Маракота ничуть не лучше, чем тогда, когда мы сидели в маленькой гостиной с окнами, выходящими на оксфордскую Хай-стрит. Профессор не тратит времени на досужие разговоры, а худое лицо фанатика — лицо Савонаролы или, скорее, Торквемады — никогда не смягчается улыбкой. Длинный, тонкий, агрессивный нос, близко поставленные маленькие, пронизательные серые глаза под густыми, похожими на солому бровями, плотно сжатый рот с тонкими губами, ввалившиеся от постоянных мыслей и аскетичной жизни щеки — такая

внешность свидетельствует о жестком, замкнутом, необщительном характере. Можно сказать, что обиталище Маракота — некая недоступная для простых смертных интеллектуальная горная вершина. Должен признаться, что иногда истово преданный науке исследователь кажется мне слегка сумасшедшим. В качестве примера вспомню изобретенный и сконструированный им необыкновенный аппарат для изучения подводного мира... но лучше расскажу все по порядку, и тогда у вас появится возможность сделать собственные выводы.

Обратимся к началу нашего путешествия. Пароход “Стратфорд” — оборудованное специально для исследовательской экспедиции прекрасное, хотя и небольшое морское судно водоизмещением в тысячу двести тонн, с чистыми палубами и отличным широким бимсом, оснащенное всевозможными приспособлениями для измерения глубины, тралового лова, а также для выемки донного грунта. Среди прочих полезных новшеств на борту присутствует чрезвычайно эффективная, закрепленная на корме сеть. Разумеется, палуба оборудована мощными паровыми лебедками для подъема трала и другими техническими приборами различного назначения, часть которых мне уже знакома. Впрочем, некоторые устройства пока кажутся весьма странными и непонятными. Под палубами расположены удобные каюты и отлично оснащенные лаборатории для специальных исследований.

Еще до отправления из лондонского порта пароход “Стратфорд” удостоился репутации весьма таинственного судна, и скоро я обнаружил, что подобную характеристику нельзя назвать абсолютно незаслуженной. Впрочем, первые наши действия выглядели вполне заурядными. Мы направились в Северное

море и спустили трал, чтобы собрать со дна характерную флору и фауну. Но поскольку средняя глубина этих вод едва превышает шестьдесят футов, а судно предназначено для работы на больших глубинах, наши хлопоты оказались напрасной тратой времени. Во всяком случае, мы не подняли ничего заслуживающего пристального научного внимания, а получили только самые банальные образцы: обычную съедобную рыбу, морскую собаку (то есть акулу), кальмаров, медуз и не стоящие упоминания примеры кое-каких терригенных донных отложений в виде обычной наносной глины. Затем мы обогнули Шотландию, увидели Фарерские острова и прошли вдоль порога Томсона Уайвилла, где нам повезло больше. Затем направились к району исследования, расположенному между африканским берегом и Канарскими островами. Однажды в безлунную ночь едва не сели на мель возле острова Фуэртевентура, но в целом нам удалось преодолеть маршрут без серьезных проблем.

На протяжении нескольких первых недель я упорно старался наладить дружеские отношения с профессором Маракотом, однако задача оказалась не из легких. Во-первых, это самый сосредоточенный на собственных мыслях и в то же время по-житейски рассеянный человек в мире. Должно быть, вы помните, как улыгнулись, увидев, что профессор дал пенни мальчику-лифтеру, решив, будто едет в трамвае. Нередко он настолько углубляется в решение одному ему известных задач, что почти не замечает, где находится и что делает. Во-вторых, Маракот отличается крайней скрытностью. Всякий раз, войдя к нему в каюту, я застаю профессора за изучением документов и карт, которые, заметив меня, он тотчас же закрывает. Не сомневаюсь, что начальник разрабатыва-

ет какой-то тайный план, однако не хочет предавать его огласке, прежде чем корабль станет на якорь в каком-то одном ему ведомом порту. Во всяком случае, у меня сложилось именно такое впечатление, и Билл Скэнлэн придерживается того же мнения.

— Послушай, Хедли, — обратился ко мне механик однажды вечером, войдя в лабораторию, где я прилежно измерял процентное содержание соли в поднятых из морской пучины образцах. — Как по-твоему, что у нашего мудрого профессора на уме? И что он намерен предпринять?

— Полагаю, — ответил я, — что нам предстоит сделать то же самое, что уже сделал до нас “Челленджер” и продолжила добрая дюжина других научных судов. А именно пополнить перечень океанских рыб несколькими пока неизвестными видами и внести новые данные в батиметрическую карту Атлантического океана.

— Ни за что и никогда! — уверенно возразил Скэнлэн. — Если ты так считаешь, то покумекай-ка еще немного. Прежде всего, возникает законный вопрос: зачем здесь я?

— Ты необходим на судне на тот случай, если сломается что-нибудь из механического оснащения, — наугад ответил я.

— Ничего подобного! Всей механикой корабля ведаёт инженер из Шотландии по фамилии Макларен. Нет, приятель, дело вовсе не в том вспомогательном двигателе, который расхваливают ребята из компании “Меррибэнкс”. Поверь: если механику платят полсотни долларов в неделю, то это неспроста. Пойдем, кое-что покажу: возможно, ты поймешь, в чем здесь суть.

Билл достал из кармана ключ и отпер дверь в дальней стене лаборатории. Соединяющая палубы лестни-

ца привела нас в трюм — совершенно пустое пространство, если не считать четырех огромных упаковочных ящиков с блестящими сквозь солому непонятными массивными объектами. Объекты эти представляли собой плоские стальные листы со сложными болтами и причудливыми заклепками по краям. Площадь каждого из листов составляла примерно десять квадратных футов, а толщина достигала полутора дюймов. В середине каждого листа виднелось круглое отверстие диаметром в восемнадцать дюймов.

— Что, черт возьми, это такое? — изумленно спросил я.

При виде моего недоумения забавное лицо Билла Сканлэна (представьте себе нечто среднее между комиком из водевиля и борцом-чемпионом) расплылось в довольной улыбке.

— Вот оно, мое предназначение, — ответил механик. — Да, дорогой Хедли, я здесь нахожусь исключительно ради этих непонятных штук. Вот в этом большом ящике хранится стальное основание какого-то необыкновенного аппарата. Есть также изогнутая верхняя часть и большое кольцо для цепи или каната. А теперь посмотри внимательно на дно нашего судна.

Я взглянул туда, куда показал Билл, и увидел квадратную деревянную платформу с винтами в каждом углу, наглядно свидетельствующими, что это некая крышка, которая при необходимости снимается без особого труда.

— Здесь явно устроено двойное дно, — пояснил Билл Сканлэн. — Возможно, наш профессор — всего лишь помешанный на своих идеях изобретатель, каковых на белом свете пруд пруди. Но более вероятно, что он задумал нечто такое, о чем мы даже не догадываемся! Если мой котелок варит как надо, то

Маракот намерен построить что-то вроде комнаты (окна прилагаются), чтобы затем опустить ее через этот открывающийся люк в корабельном дне. Наличие электрических фонарей доказывает, что профессор собирается светить сквозь иллюминаторы и изучать подводные дебри!

— Если его единственная цель заключается в этом, то не проще ли было оснастить судно прозрачным дном, как на лодках с острова Каталина? — возразил я.

— Дело говоришь, — задумчиво почесав затылок, согласился Билл Скэнлэн. — Никак не могу взять в толк... Но знаю наверняка: начальник экспедиции нанял меня, чтобы приказы исполнять и всеми силами помогать ему в сборке этой чертовой штуковины. Правда, пока что он не сказал о ней ни слова. Я тоже молчком, но потихоньку да помаленьку посматриваю по сторонам; так что если придется ждать достаточно долго, узнаю все, что надо.

Вот так я впервые прикоснулся к нашей тайне. Вскоре после этого разговора разыгрался нешуточный шторм, а выбравшись из него, мы занялись глубоководными исследованиями к северу от мыса Джуби, неподалеку от континентального склона: опустили трал, сняли показания температуры и измерили содержание соли. Работа с оттертралом Петерсона шириной в двадцать футов азартна и увлекательна: сеть захватывает все, что попадает по пути. Если опустить трал на глубину в четверть мили, то получишь определенный улов, а если глубина составит полмили, то и результат окажется другим: каждый океанский уровень густо населен собственными характерными жителями, как и континенты на суше. Иногда со дна появляется полтонны прозрачного розового

желе — то ли первородного материала, послужившего источником всей морской жизни, то ли выделений птероподов, под микроскопом распадающихся на миллионы крошечных сетчатых шариков, разделенных похожим на грязь аморфным веществом. Не стану, дорогой Толбот, утомлять вас описанием всех этих бротул, десятиногих ракообразных, асцидий, голотурий, эктопрот и иглокожих. Как бы то ни было, вы уже поняли, что море дарит щедрый урожай, а мы достаточно прилежно его собираем и классифицируем. Однако меня ни на миг не покидает ощущение, что сердце Маракота не лежит к этой работе, а странная, узкая, похожая на череп египетской мумии голова его наполнена иными планами. Все наши нынешние действия выглядят испытанием людей и снаряжения перед грядущим настоящим делом.

В этом месте я оторвался от письма и отправился на берег, чтобы в последний раз прогуляться по твердой земле — земле, которая не раскачивается под ногами: завтра рано утром мы продолжим путешествие. Мое появление на суше оказалось весьма кстати, так как на пирсе разыгралась бурная перебранка, а профессор Маракот и Билл Сканлэн стали невольной причиной скандала. Дело в том, что Билл — изрядный задира и любит хвастаться точными ударами как правой своей руки, так и левой, однако когда вокруг собирается с полдюжины вооруженных ножами местных жителей, даже его боксерское искусство не способно помочь в разрешении спора. Так что в данном случае мне пришлось немедленно вмешаться. Оказалось, что профессор нанял одну из тех колымаг, которые в этих местах называют кэбами, и отправился изучать остров, но совсем забыл, что не взял с собой деньги. Когда же пришло время платить, ему не уда-